

ВЛИЯНИЕ ТЕРАКТА 17 ОКТЯБРЯ 2018 Г. В КЕРЧИ НА МЕНТАЛЬНУЮ ЭКОЛОГИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ДАННЫМ МАССОВОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И СМИ

© 2021 г. ¹О. А. Полюшкевич, ¹Р. В. Иванов, ¹И. А. Журавлева, ²А. В. Завьялов

¹ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск;

²ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет», г. Иркутск

Цель: Оценить разрушение ментальной экологии общества под влиянием массового насилия. Изучить изменения ценностей, представлений и установок населения после террористического акта под влиянием информационной подпитки через средства массовой информации (СМИ) и Интернет-ресурсы.

Методы: В ходе популяционного поперечного исследования проведен опрос жителей Иркутской области (n = 1 200), контент-анализ СМИ и Интернет-ресурсов (n = 61). В методах анализа данных использовался эксплораторный факторный анализ и непарный критерий Стьюдента для сравнения ответов в разных группах респондентов.

Результаты: Выявлено значимое воздействие расстрела студентов колледжа своим однокурсником 17 октября 2018 года на личные и общественные установки, представления и ожидания, которые в основном имеют негативный характер, усиливают страхи, отчуждение и тревожность, все вместе разрушают ментальную экологию общества. (P = 0,004) и активность (P = 0,002); для женщин более значимы тревожность (P = 0,05), безразличие (P = 0,007) и сопереживание (P = 0,002). Для младшего и для старшего поколений доминирующим состоянием при массовом насилии является страх (у младшего поколения P = 0,05, у старшего – P = 0,04). При этом для младшего поколения характерны активность (P = 0,006), безразличие (P = 0,004) и сопереживание (P = 0,005); для старшего – депрессивность (P = 0,003) и тревожность (P = 0,004).

Выводы: массовое насилие, постоянно обсуждаемое в СМИ и Интернет-пространстве, повышает уровень тревоги, депрессивности и в целом разрушает ментальную экологию общества и человека.

Ключевые слова: массовое насилие, ментальная экология, разрушение общества, эмпатия, безразличие, солидарность, дезинтеграция

EFFECTS OF THE TERRORIST ATTACK 17 OCTOBER 2018 IN KERCH ON MENTAL ECOLOGY OF THE RUSSIAN SOCIETY: A POPULATIONBASED SURVEY AND CONTENT ANALYSIS OF INTERNET RESOURCES AND MASS MEDIA

¹O. A. Polyushkevich, ¹R. V. Ivanov, ¹I. A. Zhuravleva, ²A. V. Zavialov

¹Irkutsk State University, Irkutsk; ²Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russia

Aim: To study the signs of destruction of mental ecology of the Russian society after the terrorist attack on 17 October 2018 in Kerch by the assessment of the changes in values, perceptions, and attitudes of the population after the terrorist act, as well as the influence of the mass media and Internet resources.

Methods: We performed a population-based cross-sectional survey of residents of the Irkutsk region (n = 1 200) as well as content analysis of the media and Internet resources (n = 61) shortly after the attack. Data were analyzed using exploratory factor analysis. Unpaired t-test was used to study differences between the means of continuous variables.

Results: We revealed a significant impact of the college shooting incident in Kerch on personal and social attitudes, perceptions and expectations being mostly negative in their nature, reinforce fears, alienation and anxiety contributing to the destruction of the mental ecology of the society. It was revealed that fear (P = 0.06), depression (P = 0.004) and activity (P = 0.002) were more important factors for the males, although not always reaching the level of statistical significance while anxiety (P = 0.05), indifference (P = 0.007) and empathy (P = 0.002) were more important for the females. The dominant state during an act of mass violence was fear for both the younger- (P = 0.05) and the older- (P=0.04) generations. At the same time, the younger generation was better characterized by activity (P = 0.006), indifference (P = 0.004) and empathy (P = 0.005) while depression (P = 0.003) and anxiety (P = 0.004) were more typical for the older generation.

Conclusions: Our study demonstrate that mass violence, constantly discussed in the media and on the Internet, increases the level of anxiety and depression among the people and destroys mental ecology of the society. Significant differences in the reaction on the information across genders and generations were observed.

Key words: mass violence, mental ecology, destruction of society, empathy, indifference, solidarity, disintegration

Библиографическая ссылка:

Полюшкевич О. А., Иванов Р. В., Журавлева И. А., Завьялов А. В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа Интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.

For citing:

Polyushkevich O. A., Ivanov R. V., Zhuravleva I. A., Zavialov A. V. Effect of the Terrorist Attack 17 October 2018 in Kerch on Mental Ecology of the Russian Society: a Population Based Survey and Content Analysis of Internet Resources and Mass Media. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. 2021, 8, pp. 42-49.

Мы живем в период, когда социальные явления и процессы, как бы далеко они ни находились от человека, влияют на его психику, индивидуальные и социальные установки, представления, убеждения и ценности. Глобализация мира привела к тому, что защита в виде «незнания» о чем-либо перестала работать. Благодаря Интернету становятся неважны государственные и стратификационные, образовательные и религиозные, а также любые другие границы, существующие в обществе.

Особенно явно это можно проследить при анализе воздействия негативной информации о террористических актах и других формах массового насилия, что является свидетельством разрушения ментальной экологии. Ментальное пространство общества пронизано страхом, отчуждением и депрессией.

Психология и социология катастроф рассматривают психологическое здоровье и социальные установки населения после массовых угроз достаточно давно. После террористических актов наступает период кризиса, разрушение привычного и знакомого мира. Идеи Э. Дюркгейма легли в основу того, что социальные угрозы и экологические бедствия способны сплотить общество, трансформировать ценности и поведенческие установки.

По мнению ряда авторов [2–5, 8, 15 и др.], это становится способом самовосстановления общества, формирования новых форм эмпатии и солидарности, так как стирает идеологические и политические, социокультурные и бытовые рамки.

Имеется и другая группа авторов [14, 38], которая придерживается противоположных убеждений, согласно которым катастрофы приводят к еще большему социальному разобщению и расслоению, девальвации ценностей государственной и территориальной идентичности, новым конфликтам и так далее. Эти авторы полагают, что помочь можно отдельным членам, в то время как большим социальным группам или всему обществу помочь нельзя, так как страдают все, коллективная травма становится нормой и нет тех, кто в неё не вовлечен, стало быть, нет тех, кто может излечить от неё.

В ряде научных работ [1, 10, 13, 17–24, 27, 28, 32, 36, 37 и др.] изучаются модели, механизмы и мотивы, формы и способы осуществления массовых убийств в школах.

Отдельным блоком стоят исследования, показывающие в средствах массовой информации (СМИ) репортажи о массовых убийствах в образовательных учреждениях, анализирующих визуальные и вербальные образы, используемые журналистами для передачи информации [11, 16, 20, 29, 33–35 и др.].

Механизмы борьбы с агрессией и стрельбой в школе изучаются в работах [9, 12, 25, 26, 30 и др.].

Различные формы массового насилия (террористические акты) выступают одной из форм коллективной травмы, так как они происходят внезапно, всегда

шокируют и под угрозой находятся повседневные социальные практики, социальные взаимодействия, которые могут касаться абсолютно всех членов общества. Общее страдание является способом для «травмированного сообщества» приобрести новую, более устойчивую и безопасную форму идентичности. В результате этого возрастает внутригрупповая солидарность. Поэтому даже те, кто не были непосредственными участниками массового насилия, благодаря СМИ и Интернету могут быть активно включены в информационное поле по данным вопросам. Их ментальное пространство пронизано деструктивными формами коллективного опыта, что меняет ожидания, представления, установки и реальные поступки в обычной повседневной жизни. Их реакцию и оценку можно воспринимать как общую для россиян, позволяющую фиксировать ментальные травмы в общественном сознании.

В исследованиях В. А. Урываева с соавт. [7] прослеживается изменение самоактуализации личности под влиянием социальных изменений. Более того, ментальная медицина [6] говорит о важности внешних условий и общественных трансформаций для самочувствия личности и целых социальных групп.

В данной работе мы прослеживали особенности взаимодействия и типы поведенческих ожиданий россиян после массового насилия в виде взрыва в Керчи 17 октября 2018 года, отраженных в СМИ, что вызвало разрушение базовых основ социальной и личной безопасности в ментальной экологии общества.

Методы

Эмпирической основой исследования стал массовый опрос жителей Иркутской области, проведенный зимой 2018/2019 годов, в котором приняли участие 1 200 человек в возрасте от 16 до 75 лет: младшее поколение 16–36 лет ($n = 600$); старшее поколение – 37–75 лет ($n = 600$); 55 % женщин ($n = 660$) и 45 % мужчин ($n = 550$). Методом отбора респондентов служил метод снежного кома. Выборка была квотная, двухступенчатая по полу и возрасту.

В опроснике присутствовали как закрытые вопросы, предполагающие выбор из имеющегося перечня вариантов, так и открытые, позволяющие респондентам высказать свою позицию, чувства и оценки по тем или иным аспектам анализа трагедии в Керчи.

Разработанная анкета была валидизирована при помощи эксплораторного факторного анализа и оценки согласованности шкал. Полученные данные были обработаны при помощи SPSS 23.0. Для изучения взаимосвязей между шкалами и показателями применялся анализ по Пирсону. При анализе данных использовался эксплораторный факторный анализ. Эксплораторный факторный анализ показывает, сколько отдельных психологических факторов измеряется (и позволил нам проследить как отдельные

социально-психологические состояния могут быть массовыми социальными установками) и как мы их измерили (F и P). Также применялся непарный критерий Стьюдента для анализа ответов мужчин и женщин (частный случай однофакторного дисперсионного анализа). Достоверность полученных результатов: уровень доверительной вероятности 95 %, критический уровень значимости для отклонения нулевой гипотезы о равенстве средних — 5 %.

Исследование проходило спустя два-три месяца после акта массового насилия в Керчи, достаточно активно освещаемого в СМИ и Интернет-ресурсах. Для оценки качества их воздействия нами применялся контент-анализ в различных СМИ и Интернет-площадках ($n = 64$), позволяющий выявить интенсивность и периодичность публикаций, посвященных данному событию за указанный период. В исследовании участвовало три печатных издания («Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «Независимая газета») и 61 Интернет-ресурс. При подборе и анализе материала применялась программа CrawlDadDesktop.

Результаты

В ходе исследования был выявлен высокий уровень нарушения ментальной экологии среди респондентов. Массовое насилие в Керчи для многих стало точкой отсчета для новой жизни, где появились новые страхи.

Контент-анализ СМИ и ресурсов Интернета показал постоянный интерес к данной проблеме. Максимум внимания пришелся на первые две недели после события (до 31 октября 2018 г.), в дальнейшем частота внимания стала уменьшаться, а объем информации держался примерно на одинаковом уровне, через месяц, после события стал незначительно падать (табл. 1). Этот факт позволяет нам говорить об искусственном поддержании культурной травмы от акта насилия и поддержания ментального напряжения в обществе.

Мы выявили, что респонденты чаще говорят о том, что спустя какое-то время после массовых трагедий в обществе и в их непосредственной социальной группе присутствует взаимное доверие, но при этом кооперация и поддержка представлены недостаточно. Респонденты на субъективном уровне чувствуют усиление сплоченности после массовых убийств, так как эти события полностью меняют их представления о повседневности, ритуальных обыденных практиках и привычках поведения. Несмотря на то, что никто из них не был жертвой террористического акта, после каждого из них из-за активного освещения в прессе он чувствовал на себе их воздействие. Например:

В одночасье мир поменялся — понимаешь, что ты или твои дети могут быть в такой же ситуации (Ирина, 26 лет).

Террористический акт делит жизнь на ДО и ПОСЛЕ, и по-другому быть не может уже никогда (Петр, 48 лет).

Таблица 1
Контент-анализ динамики информационных сообщений
в средствах массовой информации и Интернет-ресурсах,
посвященных акту массового насилия в Керчи
17 октября 2018 года

Объект и форма анализа		На 31 октября 2018 г.	На 17 ноября 2018 г.	На 17 декабря 2018 г.	На 17 января 2019 г.
Частота внимания	СМИ	54	39	27	15
	Интернет	167	143	96	65
Объем внимания	СМИ	65	63	52	50
	Интернет	221	189	185	182

Я четко поняла, что мы живем в мире, где нет никаких гарантий безопасности (Тамара, 32 года).

Общественное воспроизводство строится на принятии ситуации и оставлении ее в прошлом. При массовом насилии оно остается все время в настоящем, плюс к этому СМИ и Интернет постоянно активизируют внимание на данной теме, что усиливает ментальные деформации сознания у россиян.

При эксплораторном факторном анализе мы подсчитали коэффициент альфы Кронбаха, который показывает внутреннюю согласованность характеристик, описывающих один объект, но не является показателем гомогенности объекта и составляет $\alpha = 0,91$, трактуемый как хороший результат для валидации данных.

В табл. 2 представлены параметры реакции на массовое насилие в Керчи 17 октября 2018 года. Из основных параметров можно выделить негативные: тревожность, депрессивность, страх; нейтральные: безразличие; позитивные: сопереживание, активность. Именно данные параметры формируют ментальную карту общественного сознания, которая формирует и регулирует социальные настроения.

Статистической гипотезой при анализе данных выступало то, что респонденты с критериями оценки своего состояния согласны и оценивают его как значимую характеристику (параметр выражен и имеет четкое воздействие на самоощущение ($p < 0,001$)).

Полученные данные свидетельствуют о высокой значимости выделенных параметров и среди реакций старшего и младшего поколений. Эти данные представлены в табл. 3. Сравнение осуществлялось при помощи однофакторного дисперсионного анализа. Более того, тесная взаимосвязь между параметрами усиливает их влияние на человека, особенно при массовом информационном воздействии из Интернет-ресурсов.

Как видно из данных табл. 3, страх более выражен среди мужчин ($F = 32,1$ при $P = 0,06$), как и депрессивность ($F = 12,1$ при $P = 0,004$) и активность ($F = 1,2$ при $P = 0,002$); для женщин более значимы тревожность ($F = 26,2$ при $P = 0,05$), безразличие ($F = 8,5$ при $P = 0,007$) и сопереживание ($F = 1,2$ при $P = 0,002$).

Таким образом, теракт в Керчи выступает примером массового насилия, приведшим к коллективной травме

Таблица 2

Параметры реакции на массовое насилие

Параметр	Пол	Среднее	Стандартное отклонение	F-критерий Фишера	P
Тревожность	Ж	15,6	5,4	26,2	0,050
	М	14,8	4,5		
Депрессивность	Ж	22,8	4,6	12,1	0,004
	М	20,1	4,2		
Страх	Ж	23,1	4,9	32,1	0,06
	М	22,8	4,6		
Безразличие	Ж	22,1	3,8	8,5	0,007
	М	21,7	3,6		
Сопереживание	Ж	13,3	4,8	5,2	0,006
	М	12,2	3,9		
Активность	Ж	17,2	5,5	1,2	0,002
	М	17,1	5,4		

и соответственно к изменению идентичности многих членов российского общества, виктимизации отдельных сообществ. Чувство жертвы выступает в данном случае поводом для социальной солидарности и выступает частью травматического процесса. Более того, для отдельных социальных групп социальная солидарность имела негативный долгосрочный эффект (см. табл. 3).

Для мужчин и женщин младшего и старшего поколений доминирующим состоянием при массовом насилии является страх (у младшего поколения $F = 43,1$ при $P = 0,05$); у старшего $F = 44,1$ при $P = 0,04$). При этом для младшего поколения характерны активность ($F = 1,6$ при $P = 0,007$), безразличие ($F = 6,5$ при $P = 0,006$) и сопереживание ($F = 4,5$ при $P = 0,008$); для старшего поколения характерны депрессивность ($F = 14,1$ при $P = 0,003$) и тревожность ($F = 13,2$ при $P = 0,004$).

После событий в Керчи для психологического

состояния молодых людей, обучающихся или только планирующих поступление в средне-специальные или высшие учебные заведения, встал серьезный вопрос о том, стоит ли далеко уезжать от дома и так ли уж это необходимо.

Я не хочу учиться в промышленно-экономическом техникуме, я не уверена в своей безопасности (Марина, 16 лет).

Я думаю, что ехать в другой город для обучения более опасно, нежели чем остаться в своем, хотя тут меньше специальностей, на которых бы мне хотелось учиться, но тут мне более безопасно (Марат, 17 лет).

Иными словами, у молодых людей наблюдается посттравматический период, хотя сами они не были непосредственными участниками этих событий, но они влияют на их жизненные установки и выбор стратегий поведения в реальной жизни сейчас. Средства массовой информации и Интернет мифологизируют и утрируют данные процессы, что приводит к усилению ментальных травм общественного сознания.

Возраст, социальный и профессиональный статус не влияют на ощущение страха и тревоги после актов насилия. Более старшее поколение также не избавилось от ощущения страха, и это их сближает между собой. Формируются страхи городов, нового опыта и устойчивого ожидания угрозы и связанной с этим тревоги.

Мне страшно не столько за себя, сколько за своего ребенка. Я раньше хотела, чтобы он получил образование в другом городе, сейчас однозначно — нет. Мне страшно! (Стефания, 41 год).

Большой город дает больше рисков и угроз, неизвестность пугает и дает неуверенность в себе и в будущем. В нашем городке, где все всех знают, — более спокойно и безопасно (Анна, 47 лет).

Таблица 3

Параметры реакции на массовое насилие у представителей младшего и старшего поколений*

Параметр	Младшее поколение (16–36 лет)				Старшее поколение (37–75 лет)			
	Среднее	Стандартное отклонение	F-критерий Фишера	P	Среднее	Стандартное отклонение	F-критерий Фишера	P
Тревожность	16,6	4,3	13,3	0,006	16,5	4,3	13,2	0,004
	15,4	3,2			16,7	4,4		
Депрессивность	15,8	4,2	14,5	0,002	16,1	4,4	14,1	0,003
	14,9	3,9			16,3	4,5		
Страх	12,2	3,8	43,1	0,05	13,3	3,9	44,1	0,04
	12,1	3,7			13,1	4,1		
Безразличие	12,8	4,4	6,5	0,006	13,5	4,1	6,1	0,004
	12,5	4,3			13,3	3,9		
Сопереживание	13,3	4,1	4,5	0,008	14,2	4,2	4,1	0,005
	13,1	4,0			13,9	4,1		
Активность	14,1	3,8	1,6	0,007	14,8	4,0	1,8	0,006
	13,8	5,6			14,9	4,1		

Примечание. * — критерий определения младшего и старшего поколений формировался по принципу «есть ли дети старше 14 лет» (если есть, мы отнесли респондента к старшему поколению, если нет — к младшему).

При этом противостояние между людьми, наблюдавшими за массовыми убийствами со стороны, также имеет место быть. В одной группе те, кто опасается повторных угроз и не хотел бы вовлекаться в активные социальные практики и действия (в виде обучения, переезда, социальной активности и прочее).

Конечно, события в Керчи стали сигналом для усиления внимания к своим детям, вовлечения в различные сообщества, которые могут их обезопасить. Как мы смогли это допустить — вот в чем вопрос и одновременно упрек нам (Надежда, 42 года).

События в Керчи — это лишь один знак того, что мы все находимся в зоне риска и все мы ответственны за свою жизнь, жизнь своих детей, соседей и незнакомых людей. Безучастие и безразличие — вот причина всех террористических актов (Елена, 58 лет).

Не бывает чужих детей. Не бывает чужой ответственности. Не бывает чужой беды. Террористический акт в Керчи — это боль и беда всех россиян. (Лидия, 30 лет).

В другой группе те, кто не идентифицирует себя с пострадавшей группой и не готов признать, что есть какие-либо угрозы.

Бомба взорвалась на другом конце страны. У нас все ребята нормальные. Хотя, конечно, страшно. Но мы же далеко... (Света, 16 лет).

В больших городах больше опасности, а у нас то чего бояться? (Петр, 36 лет).

Я в своих ребятах уверен, они бы точно такого не сделали. Но я могу понять парня, что стрелял в своих учителей и одноклассников (Олег, 22 года).

Тем самым формируется незримое противоборство и конкуренция в виде того, чья позиция возобладает. Это впоследствии может привести к стигматизации группы, испытывающей вину. Коллективная вина прослеживается в ответах в контексте того, «как и почему мы допустили это». С одной стороны, размытое обвинение объединяет группу. С другой — парализует группу, что приводит к самоизоляции.

Социальное отчуждение и безразличие — вот причина событий в Керчи. Особенно остро это чувствует молодежь. Не изменив к ней отношение, не поменяв государственную политику, мы вряд ли что-либо поменяем (Екатерина, 39 лет).

Молодежь, как всегда, — самая активная и мобильная группа, которая чутко реагирует на все изменения общественного уклада. И чем меньше ей внимание уделяем — тем больше рисков и угроз, подобных событиям в Керчи, мы имеем (Александр, 47 лет).

Обсуждение результатов

Результаты исследования позволяют констатировать сильное воздействие массового насилия на

ментальную экологию и ментальное сознание общества. Террористический акт в Керчи в 2018 году стал знаковым для всех россиян, так как поспособствовал формированию новых форм массового сознания — страху, тревожности, депрессивности и так далее. Данные процессы позволили обрести новые рамки для деструктивных социальных процессов.

Мы наблюдаем усиление сплоченности среди населения, не участвующего непосредственно в террористических актах, при этом у них наблюдаются долгосрочные посттравматические эффекты, которые приводят к изменению их поведенческих установок и жизненных ориентиров, усилению чувства вины. Негативный коллективный опыт приводит к солидарности групп как на позитивной, так и негативной основе, что позволяет пережить этот опыт вместе или сформировать негативную коллективную идентичность, которая будет тормозить социальное развитие на эмоциональном и поведенческом уровнях.

Результаты сравнительного анализа данных показали, что мужчины воспринимают явление массового насилия и последующее обсуждение его в сети Интернет как форму нагнетания страха, депрессивности, и это побуждает к активным действиям, тогда как женщины проявляют повышенную тревожность, безразличие выступает формой защиты, и в то же время чаще испытывают сопереживание. Данное разделение частично закреплено сложившимися гендерными ролями, что, впрочем, не исключает и иных реакций на активные агрессивные действия, такие как массовое насилие. Уровень сензитивности к внешнему воздействию у мужчин более выражен, поэтому они больше готовы к активным действиям в ответ на массовое насилие. Больше проявленности самоконтроля и воли показывает их потенциальную социальную активность, в том числе и к самосуду и иным аномальным формам регулирования собственного чувства безопасности и ответственности за близких.

Страх является объединяющим эмоциональным фоном для всех поколений. Это само по себе служит тревожным сигналом для последующего социального воспроизводства, так как способствует более негативным оценкам собственного настоящего и будущего, неверию в себя и в людей вокруг, неверию властям и другим социальным институтам, что порождает нигилизм и пессимизм.

Но стоит отметить, что молодые люди все же активны, обладают сопереживанием и одновременно безразличием. Активность может породить социальные беспорядки, как это было показано в исследованиях коллег [15, 18, 31]. На наш взгляд, не является противоречием соединение сопереживания и безразличия, так как сопереживание актуально для более эмпатичной группы молодых людей, а безразличие — для социально неактивных или отчужденных от общества. Последняя группа может быть потенциально опасна, так как в ней

формируются фанатики и легко управляемые личности. И если говорить о механизмах профилактики и реабилитации, то эта группа молодых людей требует особого внимания социальных служб. Данные выводы прослеживаются в работах [12, 21, 24]. Представители старшего поколения обладают повышенным уровнем депрессивности и тревожности, которая позволяет больше консолидироваться. К данным выводам также пришли и другие коллеги [29]. Вероятно, социальный опыт и условия социализации позволяют представителям разных поколений по-разному принимать кризисную напряженную обстановку и адаптироваться к ней. Работа социально-психологических служб и правоохранительных органов должна учитывать данные особенности для более эффективной работы с участниками терактов, их родственниками и всеми, кто обращается за помощью для того, чтобы пережить данные процессы более оптимально.

Также мы выявили, что молодых людей тревожные и депрессивные события могут подтолкнуть к активным внешним действиям, часто также имеющим форму деструктивного проявления страха (поджоги, погромы, личные расправы). Происходит «заражение» массовой истерией. Представителей более старшего возраста это еще больше тревожит, но в то же время позволяет находить больше точек для солидарности и консолидации внутри социальных групп и целых городов. Это согласуется с данными некоторых исследований [33], которые смогли проследить изменения в общественном мнении и массовом самочувствии жителей города, где произошло массовое убийство, соседних регионов и жителей целых стран.

Важно понимать, что реакция общества на массовые убийства есть всегда. Зачастую мы не можем проследить те последствия, к которым она приводит, но именно они формируют представления о безопасности или, наоборот, тревожности, счастье или депрессии, радости или горе в разных социальных средах. В исследовании [36] данные закономерности прослеживаются через применение математических моделей, нами же ведется анализ лишь с позиции социальных установок. Но общность выводов и схожие черты социального контекста позволяют говорить о правомерности наших выводов, о существенном влиянии сети Интернет через освещение массового убийства в Керчи на менталитет россиян и в целом ментальное экологическое пространство российского общества.

Благодаря СМИ и Интернет-ресурсам непосредственное участие или опосредованное информирование о массовом насилии — лишь формальные поводы (эффект воздействия одинаков). Средства массовой информации и Интернет активно способствуют тому, чтобы элементы культурной травмы стали негативными атрибутами современной повседневной жизни. Ожидающими подвоха, встревоженными, депрессивными людьми легче управлять. Это все наносит

непоправимый вред ментальной экологии общества в целом и отдельным индивидам в частности.

Проявление страха является следствием воздействия информации, получаемой из сети Интернет, которая формирует установки в общественном сознании, нагнетает общую атмосферу и негативно влияет на психологическое самочувствие всех, кто получает данную информацию. И даже готовность к активным действиям может быть воспринята как угрожающий, социально деструктивный фактор.

В работе финляндских авторов [29] прослеживаются схожие выводы о формировании общественных установок и положительно и отрицательно солидарных групп в обществе после массового насилия в 2007 году в лицее муниципалитета Тулусса в агломерации Хельсинки. Те же выводы получили и американские [37], немецкие [36] и другие коллеги. Это позволяет утверждать, что наше исследование достаточно легитимно, но требует большего изучения и развития.

Дальнейшие исследования по данной проблеме предполагают изучение трансформации пережитого негативного опыта в положительные поведенческие установки, представления и ценности. Важно понимать, каким образом возможна переориентация личности или целой группы, так как благодаря этому формируются позитивные основы ментальной экологии общества.

Экстремальные условия адаптации к обычной жизни после террористических актов достаточно сложны, и негативные формы консолидации, выявленные в нашем исследовании, являются тому ярким примером. Постоянное состояние тревоги и страха негативно влияет на психоэмоциональное состояние одного человека и целых социальных групп. И если для первых реакций после терактов это «нормально», то спустя несколько месяцев — становится тревожным сигналом для деструктивного воспроизводства социума.

Также будет полезен опыт при адаптации и восстановлении после природных и экологических катастроф с целью выявления универсальных реакций социальных групп, направленных на самосохранение и самовосстановление, и уникальных характеристик, которые проявляются при актах массового насилия и экологических катастрофах. Полученные результаты могут быть полезны при работе с родственниками и социальным окружением тех, кто пострадал при террористических актах; актуальны для психологов, медиков и работников правоохранительных органов.

Заключение

Можно заключить, что массовые убийства негативно влияют на ментальную экологию общества: и на мужчин, и на женщин, на представителей младшего и старшего поколений. Проведенное нами исследование позволило выявить общие эмоциональные состояния после теракта в Керчи, выявить особенности реакций у мужчин и женщин, а также представителей разных

поколений. То состояние, которое в последующем поддерживает Интернет, которое формируется общим тревожным, нагнетающим уровнем сообщений, зачастую преувеличивающим негативные черты и формы массового насилия, может служить основой для формирования аналогичных явлений и процессов в других городах страны.

Само по себе беспокойство и тревожность после таких событий, как теракт 17 октября 2018 года в Керчи, вполне естественны. Но когда они приводят к депрессиям и маниакальным состояниям, увеличивают напряженность, социальную аномию и агрессивность общества, это выступает становится вторичным эффектом массового явления, чему зачастую способствуют СМИ. И тут важно регулировать ментальную экологию общества.

Авторство

Полюшкевич О. А. внесла существенный вклад в концепцию и дизайн исследования, получение, анализ и интерпретацию; Иванов Р. В. подготовил первый вариант статьи; Журавлева И. А. окончательно утвердила присланную в редакцию рукопись; Завьялов А. В. переработал вариант статьи на предмет значимого интеллектуального содержания.

Авторы подтверждают отсутствие конфликта интересов.

Полюшкевич Оксана Александровна — SPIN 7987-3703; ORCID 0000-0002-7924-9305

Иванов Роман Викторович — SPIN 2969-4874; ORCID 0000-0003-1500-9529

Журавлева Ирина Александровна — SPIN 9905-5632; ORCID 0000-0001-7036-1969

Завьялов Андрей Владимирович — SPIN 6438-8469; ORCID 0000-0002-0407-3421

Список литературы / References

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.

Davydov D. G., Khlomov K. D. Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. 2018, 4 (32), pp. 62–76. [In Russian]

2. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239–245.

Ivanov R. V. Sources of the formation of ideological space in Russia. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke* [The problem of the relationship between the natural and the social in society and man]. 2018, 9, pp. 239–245. [In Russian]

3. Полюшкевич О. А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 120–122.

Polyushkevich O. A. Norms of solidarity after mass violence]. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke* [The problem of the relationship between the natural and the social in society and man]. 2019, 10, pp. 120–122. [In Russian]

4. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.

Polyushkevich O. A. Social empathy: issues of consolidation of the Russian society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2015, 6 (130), pp. 3–18. [In Russian]

5. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74.

Polyushkevich O. A. Philosophy of gratitude. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector]. 2017, 12 (1), pp. 67–74. [In Russian]

6. Сидоров П. И. Системный синтез ментальной медицины // Экология человека. 2013. № 10. С. 37–48.

Sidorov P. I. System synthesis of mental medicine. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. 2013, 10, pp. 37–48. [In Russian]

7. Урываев В. А., Мазиллов В. А., Сенин И. Г., Слепко Ю. Н., Золотарева В. В. Динамика показателей самоактуализации личности в транзитивном обществе // Экология человека. 2018. № 8. С. 27–31.

Uryvaev V. A., Mazilov V. A., Senin I. G., Slepko Yu. N., Zolotareva V. V. Dynamics of indicators of self-actualization of a person in a transitive society. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. 2018, 8, pp. 27–31. [In Russian]

8. Aitken L., Oosthuizen P., Emsley R., & Seedat S. Mass Murders: Implications for Mental Health Professionals. *The International Journal of Psychiatry in Medicine*. 2008, 38 (3), pp. 261–269.

9. Borum R., Cornell D. G., Modzeleski W., & Jimerson S. R. What Can Be Done About School Shootings? *A Review of the Evidence. Educational Researcher*. 2010, 39 (1), pp. 27–37.

10. Bowers T. G., Holmes E. S., & Rhom A. The Nature of Mass Murder and Autogenic Massacre. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 2010, 25 (2), pp. 59–66.

11. Dahmen N. S. Visually Reporting Mass Shootings: U. S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*. 2018, 62 (2), pp. 163–180.

12. Davydov D. G. The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment. *Russian Education & Society*, 2015, 57 (3), pp. 146–162.

13. Duwe G. The patterns and prevalence of mass murder in twentieth-century America. *Justice Quarterly*. 2004, 21 (4), pp. 729–761.

14. Erikson K. T. *Everything in its path: Destruction of community in the Buffalo Creek Flood*. N. Y., Simon & Schuster, 1976, pp. 153–154.

15. Fritz C. E. Disasters. *Contemporary social problems*, ed. by R. K. Merton, R. Nisbet. N. Y., Harcourt, Brace & World, 1961, pp. 651–694.

16. Kaiser D. A. School Shootings, High School Size, and Neurobiological Considerations. *Journal of Neurotherapy*. 2006, 9 (3), pp. 101–115.

17. Katsiyannis A., Whitford D. K., & Ennis R. P. Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society. *Journal of Child and Family Studies*. 2018, 27 (Iss. 8), pp. 2562–2573.

18. Kimmel M. S., & Mahler M. Adolescent masculinity, homophobia, and violence: Random school shootings, 1982–2001. *American Behavioral Scientist*. 2003, 46 (10), pp. 1439–1458.

19. Klein J. *The bully society: school shootings and the crisis of bullying in America's schools*. N. Y., New York University Press, 2012, 318 p.

20. Kupchik A., Bracy N. The News Media on School Crime and Violence: Constructing Dangerousness and Fueling Fear. *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2009, 7, pp. 136-155.

21. Langman P. Rampage school shooters: A typology. *Aggression and Violent Behavior*. 2012, 14 (1), pp. 79-86.

22. Lankford A. Mass Shooters in the USA, 1966-2010: Differences Between Attackers Who Live and Die. *Justice Quarterly*. 2015, 32 (2), pp. 360-379.

23. Leary M. R., Kowalski R. M., Smith L., & Phillips S. Teasing, rejection and violence: Case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*. 2003, 29, pp. 202-214.

24. Levin J., & Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*. 2009, 52 (9), pp. 1227-1245.

25. Littleton H., Axsom D., & Grills-Tauchel A. E. Longitudinal evaluation of the relationship between maladaptive trauma coping and distress: examination following the mass shooting at Virginia Tech. *Anxiety Stress and Coping*. 2011, 24 (3), pp. 273-290.

26. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*. 2014, 26 (1), pp. 185-210.

27. McCauley C., & Moskalenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*. 2014, 26 (1), pp. 69-85.

28. Newman K., & Fox C. Repeat Tragedy Rampage Shootings in American High School and College Settings, 2002-2008. *American Behavioral Scientist*. 2009, 52 (9), pp. 1286-1308.

29. Nurmi J., Räsänen P., Oksanen A. The norm of solidarity: Experiencing negative aspects of community life after a school shooting tragedy. *J. of social work L*. 2012, 12 (3), pp. 300-319.

30. Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do (Understanding Children's Worlds)*. UK, Oxford, Blackwell Publishing, 1995, 140 p.

31. Robertz F. J. Deadly Dreams: What Motivates School Shootings? *Scientific American*. 2007, 18 (4), pp. 52-59.

32. Rocque M. Exploring school rampage shootings: Research, theory, and policy. *The Social Science Journal*. 2012, 49 (3), pp. 304-313.

33. Seguin M., Chawky N., Lesage A., Boyer R., Guay S. S., Bleau P., & Roy D. Evaluation of the Dawson College Shooting Psychological Intervention: Moving Toward a Multimodal Extensive Plan. *Psychological Trauma-Theory Research Practice and Policy*. 2013, 5 (3), pp. 268-276.

34. Sommer F., Fiedler N., Leuschner V., & Scheithauer H. Strukturen zur Identifikation, Bewertung und Intervention krisenhafter Entwicklungen im Kindes- und Jugendalter. *Zeitschrift Für Kinder- Und Jugendpsychiatrie Und Psychotherapie*. 2016, 44 (3), pp. 198-207.

35. Sorensen E. Violent computer games in the German press. *New Media & Society*. 2013, 15 (6), pp. 963-981.

36. Vicary A. M., & Fraley R. C. Student Reactions to the Shootings at Virginia Tech and Northern Illinois University: Does Sharing Grief and SuPort Over the Internet Affect Recovery? *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010, 36 (11), pp. 1555-1563.

37. Weatherby G. A., Strachila S., & McMahon B. School Shootings: The Deadly Result of Teasing and Ostracism? *Journal of Criminology and Criminal Research & Education*. 2010, 2 (1), pp. 1-15.

38. Webb G. R. Sociology, disasters and terrorism: Understanding threats of the new millennium. *Sociological focus L*. 2002, 35 (1), pp. 87-95.

Интернет-ресурсы, участвующие в исследовании, размещены на портале www.hum-ecol.ru

Контактная информация:

Полюшкевич Оксана Александровна — доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 3

E-mail: okwook@mail.ru